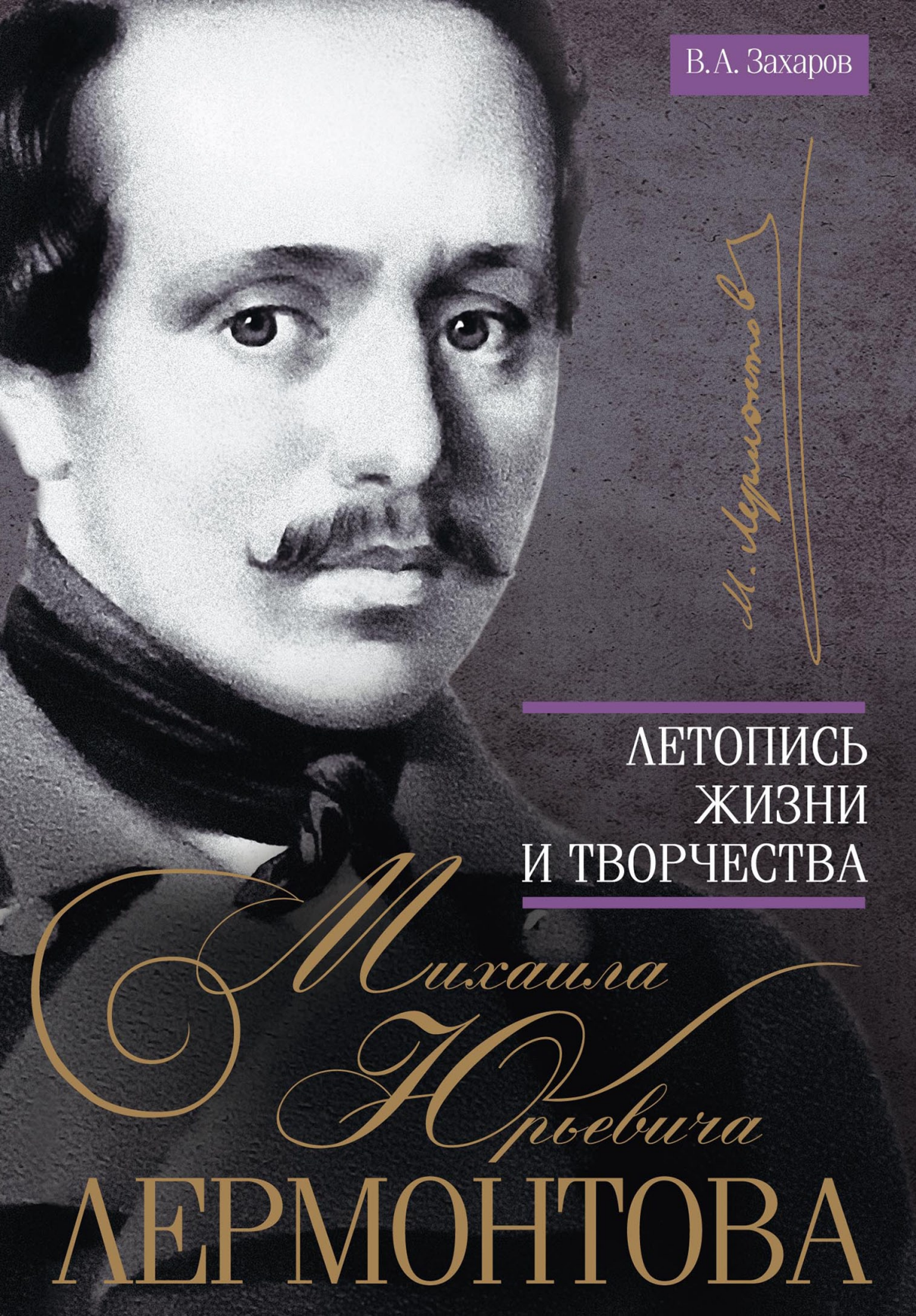

A black and white portrait of Mikhail Yuryevich Lermontov, a man with dark hair and a mustache, wearing a dark coat and a high collar. The portrait is the central focus of the book cover.

В.А. Захаров

М. Лермонтов

ЛЕТОПИСЬ
ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВА

*Михаила
Юрьевича*
ЛЕРМОНТОВА

УДК 929
ББК 83.3(2Рос-Рус)1-8
3-38

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Художественное оформление
Е.Ю. Шурлаповой

Захаров В.А.

З-38 Летопись жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова. — М.: Центрполиграф, 2017. — 799 с.

ISBN 978-5-227-07253-5

Недавний 200-летний юбилей М.Ю. Лермонтова (1814—1841), одного из самых загадочных и читаемых русских авторов, усилил интерес к личности и творческому наследию поэта. Были опубликованы новые документы о его юности, московском и петербургском периодах, участии в военных экспедициях на Кавказе; вышли многочисленные исследования, посвященные его биографии и пути в литературе.

Предлагаемая книга В.А. Захарова представляет собой строго выверенный хронологический свод дошедших до нашего времени печатных и архивных данных. Читатель сможет проследить «жизнь и труды» поэта, война из года в год, из месяца в месяц, изо дня в день — в движении, эволюции, росте. «Летопись» одновременно является и сокращенным вариантом научной биографии. Издание дает возможность узнать творческую историю большинства произведений поэта на разных стадиях — от появления замысла до выхода в свет, познакомиться с перепиской Лермонтова, столь много дающей для понимания его характера, взглядов, пристрастий, вкусов. Приведенные свидетельства и мемуарные фрагменты воссоздают мир русской жизни первой половины XIX века, будни и праздники дворянского сословия и офицерства такими, какими их воспринимали современники Лермонтова, Пушкина, Гоголя...

Книга включает обширные комментарии, дополняющие основной текст, а также необходимые пояснения и уточнения.

УДК 929
ББК 83.3(2Рос-Рус)1-8

ISBN 978-5-227-07253-5

© Захаров В.А., 2017
© Художественное оформление,
«Центрполиграф», 2017
© «Центрполиграф», 2017

Содержание

От автора	5
-----------------	---

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

1809.....	17
1812.....	17
1813.....	18
1814.....	18
1815.....	21
1816.....	26
1817.....	30
1818.....	35
1819.....	37
1820.....	38
1821.....	39
1822.....	41
1823.....	42
1824.....	43
1825.....	43
1826.....	51
1827.....	54
1828.....	57
1829.....	62
1830.....	75
1831.....	97
1832.....	121
1833.....	155
1834.....	189
1835.....	224
1836.....	239

1837.....	257
1838.....	332
1839.....	358
1840.....	389
1841.....	527
1842.....	677
1843.....	680
Примечания.....	682
Комментарии.....	683
Библиография к летописи	782
Условные сокращения	796

1809

Годы 1809—1812. Вероятное знакомство¹⁹, впоследствии сватовство²⁰ Юрия Петровича Лермантова²¹ с Марией Михайловной Арсеньевой²².

Конец января 1809. В Тарханы вместе с сестрами Михаила Васильевича Арсеньева Дарьей и Варварой, жившими в Васильевском, приехала из Кропотова Анна Васильевна Лермантова — мать Юрия Петровича²³. Здесь она провела больше месяца, и 17 марта все они праздновали 14-летие Марии Михайловны [*Фролов, 2005, 46—53*].

1 февраля 1809. «Ефремовская помещица артиллерии поручица Анна Васильевна дочь Лермантова занела у госпожи капитанши Дарьи Васильевны Скарлетовой²⁴ денег государственными ассигнациями пять сот рублей за указанные проценты сроком впредь на год...» (Здесь и во многих случаях далее сохранена орфография документа. — *В. З.*) — из заемного письма матери Юрия Петровича Лермантова, записанного в «Книге для всяких записей на 1809 год Чембарского уездного суда» [ГАПО. Ф. 34. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 5]; [*Фролов, 2010, 47*].

2 марта 1809. «Ефремовская помещица артиллерии поручица Анна Васильева дочь Лермантова занела у девицы Софьи Кондратьевны Наумовой денег... тысячу рублей... на год» — заемное письмо матери Ю.П. Лермантова, записанное в «Книге для всяких записей на 1809 год Чембарского уездного суда» [ГАПО. Ф. 34. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 5—5 об.]; [*Фролов, 2010, 47*].

1812

В ночь на 12 июня 1812. Французская армия вторглась в пределы России. Началась Отечественная война русского народа²⁵.

1813

22 апреля 1813. «Корпуса капитан Юрий Лермантов» оказался «за болезнию в гор. Витебске». Там он пробыл полгода, до конца октября.

К рапорту от 29 октября 1813 г. генерала от кавалерии герцога Александра Вюртембергского главнокомандующему всеми действующими армиями генералу от инфантерии Барклаю де Толли приложен список «Тульского Военного Ополчения чинам и урядникам из дворян на офицерских вакансиях состоящим, представляемым к выключке по неспособности к службе и по неприбытию к полкам», где под № 160 стоит имя «Корпуса Капитана Лермантова» [ВБЛ-3, 200]. Возможно, в ноябре—декабре 1813 г. Юрий Петрович мог после выздоровления из Витебского госпиталя отправиться в свое имение — Кропотово [Бельский А.М. Отечественная война 1812 года и Орловский край: Энциклопедический словарь. Орел, 2010. С. 48]; [РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а, св. 138, № 21. Л. 85 об.]. С 15 ноября начинается Рождественский пост, который длится до 24 декабря. В это время никаких помолвок или венчаний не совершается.

1814

После 19 января до 8 февраля или после 29 марта 1814. Вероятное венчание²⁶ Юрия Петровича Лермантова и Марии Михайловны Арсеньевой²⁷.

29 марта 1814. Пасха²⁸. Молодые уже жили в Тарханах²⁹.

Апрель 1814. Юрий Петрович и Мария Михайловна Лермантовы, проживающие в селе Тарханы³⁰ Чембарского уезда, приобрели билеты в Московское благородное собрание.

23 апреля 1814. В письме на имя пензенского губернского предводителя дворянства Д.А. Колокольцова предводитель Чембарского уездного дворянства И.А. Тархов сообщил:

«Из числа полученных от вас при отношении минувшего марта от 5-го под № 35-м доставленных к нам от гг. старшин Московского благородного собрания для Чембарского благородного дворянства двенадцати билетов мною здешним господам дворянам роздано мужских шесть, женских три билета, за которые назначенных денег за мужские по двадцати, за дамские по десяти рублей, всего сто пятьдесят рублей, и оставшие за раздачею дамские три билета при сем доставляю, кому ж оные билеты из здешних благородных особ розданы — прилагаю у сего реестр <...>

Господину капитану Юрию Петровичу Лермантову — 1 <...>

Госпоже капитанше Марье Михайловне Лермантовой — 1 <...>» [ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 352. Л. 49—50, 53]; [Арзамасцев, 1984, 48]; [Заповедник, 86—87].

5 мая 1814. Отправлено письмо в Российское благородное собрание от пензенского предводителя дворянства Д.А. Колокольцова с приложением реестра, «кто именно получил билеты Пензенской губернии по Чембарскому уезду».

В списке значатся:

«Капитан Юрий Петрович Лермантов 1 билет, 20 рублей

Капитанша Марья Михайловна Лермантова 1 билет, 10 рублей» [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 12. Л. 53, 54].

30 мая 1814. В журнале заседаний старшин Российского благородного собрания имеется запись о получении старшим бухгалтером Колесовым из Московского почтамта «конверта с регистром от Пензенского губернского предводителя дворянства, с приложением денег за розданные» им тамошним дворянам годовые билеты: «за мужчин — 6, дамские — 3» [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 38].

30 мая 1814. Юрий Петрович и Мария Михайловна Лермантовы записаны в «Книге приемной членам Российского Благородского Собрания на 1814 год с регистров полученных от Г<оспо>д Губернских дворянских предводителей» [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 11. Л. 26 об.]; [Л-ИМ, 1, 165].

14 июля 1814. Письмо пензенского предводителя дворянства Д.А. Колокольцова с приложением реестра, «кто именно получил билеты Пензенской губернии по Городищскому и Мокшанскому уездам» в Российское благородное собрание: В списке Городищского уезда значатся:
Адмирал Николай Семенович Мардвинов 1 билет, 20 рублей
Супруга Его 1 билет, 10 рублей
Оберпрокурор Аркадий Алексеевич Сталыпин 1 билет, 20 рублей
Супруга Его 1 билет, 10 рублей
Кригцалмейстер Григорий Данилович Сталыпин 1 билет, 20 рублей
Супруга Его 1 билет, 10 рублей
[ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 12. Л. 62, 64]

Конец лета 1814. Лермантовы в сопровождении Е.А. Арсеньевой выехали в Москву. Маловероятно, чтобы они отправились раньше. С началом теплых майских дней зимовавшие в городах помещики спешат в свои дворянские гнезда насладиться прелестями проснувшейся земли, а с началом лета из города бегут все, кому есть куда, от надвигающейся жары и духоты. Вести беременную Марию Михайловну в огромную по тем временам Москву в жару было нереально. Точка зрения В.П. Арзамасцева, что «скорее всего в мае—июне супруги Лермантовы поехали в Москву», не имеет под собой основания [Арзамасцев, 1981, 27—28].

Осень 1814. В Москву из Тархан привезли двух кормящих крестьянок — кормилиц для будущего младенца. Выбрали 29-летнюю Лукерью Алексеевну Шубенину, которая вскармливала своим молоком барчонка два года. Как считает Нахапетов, «сама же Мария Михайловна Лермонтова, если бы и захотела, не смогла бы, по всей вероятности, кормить ребенка из-за плохого состояния здоровья» [Заповедник, 88]; [Нахапетов, 2008, 15]; [Висковатый, 13].

Вечером 2 октября 1814. В Москве (в доме генерал-майора Ф.Н. Толя, стоявшего напротив Красных ворот³¹) в семье капитана Юрия Петровича Лермантова и Марии Михайловны, урожденной Арсеньевой, родился Михаил Юрьевич Лермонтов³².

Запись в метрической книге церкви Трех Святителей у Красных Ворот (Москва) в 1-й части под № 25 от 2 октября 1814 г.: «В доме Господина покойного Генерал Майора и Кавалера Федора Николаевича Толя у живущего капитана Юрия Петровича Лермантова родился сын Михаил, молился протоиерей Николай Петров, с дьячком Яковым Федоровым, крещен того же октября 11 дня, Восприемником был господин кол-

лежский ассессор Фома Васильев Хотьинцев, восприемницею была вдовствующая госпожа гвардии поручица Елисавета Алексеевна Арсеньева. Оное крещение отправляли протоиерей Николай Петров, дьякон Петр Федоров, дьячок Яков Федоров, пономарь Алексей Никифоров». Ранее эта запись цитировалась по сохранившемуся тексту свидетельства, выданному Е.А. Арсеньевой из Московской духовной консистории 25 октября 1827 г. [Впервые: РС. 1873. Т. 8. Кн. 7. С. 113—114]; [РС. 1873. Т. 7. Кн. 3. С. 380]; [РМ. 1881. Кн. XI. С. 167]; [*Висковатый*, 12 и *Приложения*, 2]; [*Заповедник*, фото между 112 и 113].

11 октября 1814. Юрий Петрович Лермантов стал восприемником сына Лукьяна, родившегося у его знакомого и родственника Николая Лукьяновича Бобарыкина, которого крестили в церкви Николая Чудотворца, что слывет Явленной, на Арбате [ЦИАМ. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 1109. Л. 25]; [*Алексеев*, 2013, 116].

11 октября 1814. Крестины Лермантова. Бабушка Михаила Юрьевича Елизавета Алексеевна Арсеньева, урожденная Столыпина, стала крестной матерью своего внука. Запись в метрической книге церкви Трех Святителей. См. источники к дате: «Вечером 2 октября 1814».

1 декабря 1814. В книге для записи членов Российского благородного собрания на 1815 год имеется следующая запись:

«Мужчины:

179. Юрий Петрович Лермантов» [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 2 об., 3—4].

1 декабря 1814. Ю.П. Лермантов, вероятно вечером, посетил Российское благородное собрание — корпоративное дворянское учреждение клубного типа, призванное, как говорилось в его уставе, «доставлять потомственному дворянству приятные занятия, приличные классу образованному и не возбраняемые законом», было создано в конце XVIII в. и с самого начала заняло иную позицию, нежели склонный к известному либерализму Английский клуб. Там он официально записал себя для будущих посещений.

В книге для записи членов Российского благородного собрания имеется следующая запись:

«Мужчины»,

где под № 179 записан: Юрий Петрович Лермантов».

Состоять членами Благородного собрания могли потомственные дворяне обоого пола, внесенные в родословные книги Московской губернии, а также потомственные дворяне других губерний и областей империи, которых принимали на освободившиеся вакансии. П.А. Вяземский так описывал собрание в период его наивысшего расцвета (т. е. в «допожарной» Москве): «Это был настоящий съезд России, начиная от вельможи до мелкопоместного дворянина из какого-нибудь уезда Уфимской губернии, от статс-дамы до скромной уездной невесты, которую родители привозили в это собрание с тем, чтобы на людей посмотреть, а особенно себя показать и, вследствие того, выйти замуж» [*Шумихин*, 233—235, 245].

Состав Благородного собрания подразделялся на постоянных членов, посетителей (или «визитеров») и гостей. Объявивший о своем желании вступить в члены собрания должен был представить документ, подтверждающий его дворянское происхождение, за подписями губернского предводителя дворянства либо двух членов Благородного собрания, кото-

рые соглашались быть его поручителями. Если препятствий не возникало, то претендента записывали в ежегодную «Книгу членов-кавалеров» (для дам и девиц была заведена особая книга), и он приобретал годовой билет. Билеты эти были именными и давали их владельцам право входа в собрание в любые дни, когда оно было открыто. По истечении года билет следовало продлевать, в противном случае его владелец выбывал из числа членов собрания.

Билет для мужчин стоил 50 р. серебром, дамский — 25 р., для девиц — 10 р. [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 2 об., 3—4 об.].

11 декабря 1814. Юрий Петрович Лермантов с супругой прибыли в Российское благородное собрание, где приобрели билеты для его последующих посещений на 1815 г.

То, что они были там вдвоем, возможно с еще какими-нибудь родственниками, видно по тому, что в «Книге Приемной членов на 1815 год» они записаны под номерами:

«Мужчины <...>

179. Юрий Петрович Лермантовъ.

Дамы <...>

104. Марья Михайловна Лермантова» [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 10. Л. 53—54 об.; Д. 15. Л. 3 об., 12 об.].

Вероятно, необходимо было присутствие второго лица. Если летом это делалось заочно, через представителя губернского Дворянского собрания, через которого покупались билеты (см. даты: «5 мая 1814», «14 июля 1814» и др.), то во время сезона в связи с наплывом дворян и их детей в столицу все становилось гораздо строже.

1815

3 января 1815. В Российском благородном собрании был маскарад, на котором мог присутствовать Ю.П. Лермантов [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 52].

10 января 1815. В Российском благородном собрании был бал, на котором могли присутствовать супруги Лермантовы. «Съезд состоял из 253 персон» [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 52].

19 января 1815. В Российском благородном собрании был бал, на котором могли присутствовать супруги Лермантовы. «Съезд состоял из 484 персон» [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 54].

26 января 1815. В Российском благородном собрании был бал, на котором могли присутствовать супруги Лермантовы. «Съезд состоял из 550 персон» [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 55].

2 февраля. В Российском благородном собрании был бал, на котором могли присутствовать супруги Лермантовы. «Съезд состоял из 580 персон» [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 56 об.].

9 февраля 1815. В Российском благородном собрании был бал, на котором могли присутствовать супруги Лермантовы. «Съезд состоял из 650 персон» [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 57].

23 февраля 1815. В Российском благородном собрании был бал, на котором могли присутствовать супруги Лермантовы. «Съезд состоял из 1065 персон» [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 58 об.].

27 февраля 1815. В Российском благородном собрании состоялся «дневной Маскарад, единственно для господ членов собрания», на котором могли присутствовать супруги Лермантовы. «Съезд состоял из 814 персон» [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 59].

6 марта 1815. В связи с предстоящим началом Великого поста старшины Российского благородного собрания на своем заседании приняли решение об отмене всех развлекательно-увеселительных мероприятий.

В журнале заседаний имеется запись об «отпечатании 100 афишек» со следующим текстом: «Господа Старшины сим извещают Господ членов, что со вторника 9 марта во все пять недель будут продолжаться, как и в прошлом году было, первый вторник по вечерам беседы с музыкою» [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 59 об.].

9 марта 1815. В Российском благородном собрании был «съезд для вечерней беседы в коем было 300 персон», на котором могли присутствовать супруги Лермантовы [ЦИАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 52].

После 8 марта, начала Великого поста 1815. Ю.П. и М.М. Лермантовы вместе с сыном Михаилом и бабушкой выехали из Москвы в имение Е.А. Арсеньевой Тарханы Чембарского уезда Пензенской губернии. Однако отношения между зятем и тещей по возвращении еще более осложнились, в этом соперничестве приняли участие и многие крепостные, ненавидевшие свою жестокую хозяйку Елизавету Алексеевну и распускавшие неверные слухи о Марии Михайловне. Тогда-то и появились сплетни, цель которых была одна — рассорить зятя с тещей³³.

Как рассказывал П.Н. Журавлев (с 1867 г. управляющий усадьбой, перешедшей после смерти Арсеньевой Столыпину) Висковатому, приехавшему в Тарханы:

«Супружеская жизнь Лермонтовых не была особенно счастливою; скоро даже, кажется, произошел разрыв, или, по крайней мере, сильные недоразумения между супругами. Что было причиною их, при существующих данных, определить невозможно. Юрий Петрович охладел к жене. Может быть, как это случается, ревнивая любовь матери к дочке, при недоброжелательстве к мужу ее, усугубили недоразумения между ними. Может быть, распущенность помещичьих нравов того времени сделала свое, но только в доме Юрия Петровича очутилась особа, занявшая место, на которое имела право только жена. Звали ее Юлией Ивановной, и была она в доме Арсеньевых в тульском их имении, где увлекся нежным к ней чувством один из членов семьи. Охраняя его от чар Юлии Ивановны, последнюю передали в Тарханы, в качестве якобы компаньонки Марьи Михайловны. Здесь ею увлекся Юрий Петрович, от которого ревнивая мать старалась отвлечь горячо любящую дочку. Этот эпизод дал повод Арсеньевой пожалеть бедную Машу и осыпать упреками ее мужа. Елизавета Алексеевна чернила перед дочерью зятя своего, и взаимные отношения между супругами стали невыносимы. Временная отлучка Юрия Петровича³⁴, поступившего в ополчение, не поправила их. — Если сопоставить немногосложные известия о Юрии Петровиче, то это был человек добрый, мягкий, но вспыльчивый, самодур, и эта вспыльчивость, при легко воспламенявшейся натуре, могла доводить его до суровости и подавала повод к весьма грубым и диким проявлениям, несовместным даже с условиями порядочности. Следовавшие затем раскаяние и сожаление о случившемся не

всегда были в состоянии искупить совершившегося, но, конечно, могли возбуждать глубокое сожаление к Юрию Петровичу, а такое сожаление всегда близко к симпатии.

Немногие помнящие Юрия Петровича называют его красавцем, блондином, сильно нравившимся женщинам, привлекательным в обществе, веселым собеседником, «bon vivant», как называет его воспитатель Лермонтова, г. Зиновьев. Крепостной люд называл его «добрым, даже очень добрым барином». Все эти качества должны были быть весьма не по нутру Арсеньевой. Род Столыпиных отличался строгим выполнением принятых на себя обязанностей, рыцарским чувством и чрезвычайно выдержкою, — черты, отличавшие потом друга и товарища Михаила Юрьевича, Алексея Аркадьевича Столыпина, известного под именем «Монго», который в обществе и среди товарищей почитался образцом благородства и рыцарства. В Юрии Петровиче выдержки-то именно и не было. Старожилы рассказывают, как во время одной поездки с женою вспылывший Юрий Петрович поднял на нее руку.

Факт этого грубого обращения был последнею каплей полныи в супружеской жизни Лермантовых. Она расстроилась, хотя супруги, избегая открытой распри, по-прежнему оставались жить с Елизаветой Алексеевной в Тарханах.

Марья Михайловна, родившаяся ребенком слабым и болезненным, и взрослою все еще выглядела хрупким, нервным созданием. Передраги с мужем, конечно, не были такого свойства, чтобы благотворно действовать на ее организм. Она стала хворать. В Тарханах долго помнили, — как писал Висковатый, — как тихая, бледная барыня, сопровождаемая мальчиком слугою, носившим за нею лекарственные снадобья, переходила от одного крестьянского двора к другому с утешением и помощью, — помнили, как возилась она и с болезненным сыном. И любовь, и горе выплакала она над его головой. Марья Михайловна была одарена душою музыкальною».

Воспоминания тарханских старожилов носят по большей части путаный и мало-правдивый рассказ. Так, никакой Юлии Ивановны в Тарханах не существовало. Рассказы Журавлева, которые были записаны Висковатым и другими исследователями, по большей части носили вымышленный характер, это передача всяких тарханских сплетен и небылиц, которые фигурировали в селе в течение многих десятилетий, чуть ли не до середины XX в., и вошли во многие биографические исследования о Лермонтове, без надлежащего критического анализа. Впервые эти вопросы были подняты В.А. Мануйловым, а их критическим разбором занялся, и весьма успешно, П.А. Фролов, составивший все точки над *i* [Висковатый, 13–15]; [Фролов, 2014, 38–79]; [Мануйлов, 2000, 292–304]; [Фролов, 2014, 38–79]; [Захаров В.А. История одного подлога // Захаров, 2014, 142–149].

11 апреля 1815. Вербное воскресенье. Первое упоминание о пребывании Лермонтова в Тарханах:

	Л е т а	
	мужеска	женска
В селе Никольском Яковлевском тож. Гвардии поручица Елизавета Алексеевна Арсеньева У нее зять корпуса капитан Юрий Петрович Лермантов Жена его Марья Михайловна У них сын Михаил	28 полугоду	40 20

[ГЛМЗ. ОА-1357. Л. 57.] Публикация: [Мануйлов, 1948, 629]; [Заповедник, 87]. Росписи Пензенской Епархии и губернии ведомства Нижнеломовского духовного правле-

ния Чембарской округи села Яковлевского Тарханы тож Николаевской церкви священника Алексея Левитского с причтом обретающимся при оной церкви в приходе нижеявленных чинов людей соизъявлением против каждого имени о бытии их во Святую Великую четырехдесятницу у исповеди и Святого причастия... 1815 года.

21 августа 1815. Е.А. Арсеньева выдала Ю.П. Лермантову заемное письмо (вексель)³⁵ на 25 тысяч рублей сроком на год, который записан под № 43 в книге Чембарского уездного суда:

«Лета 1815-го августа в 21-й день вдова гвардии поручица Елизавета Алексеева дочь Арсеньева заняла у корпуса капитана Юрия Петрова сына Лермантова денег государственными ассигнациями дватцать пять тысяч рублей за указанные проценты сроком впредь на год, то есть будущего 1816-го года августа по двадцать первое число, на которое должна всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего незаплату то волен он, Лермантов просить о взыскании и поступлении по законам. К сему заемному крепостному письму вдова гвардии поручица Елизавета Алексеева дочь Арсеньева, что подлинно у корпуса капитана Юрия Петрова сына Лермантова денег 25 000 — заняла в том и руку приложила. У сего крепостного заемного письма. Лев Иванов сын Григоров свидетелем был и руку приложил. У сего заемного письма коллежский секретарь Федор Степанов свидетелем был и руку приложил. Сие крепостное заемное письмо писал Чембарского у(ездного) суда крепостных дел писец канцелярист Александр Ефимов сын Брызгалов. Секретарь Игнатий Семенов сын Семенов. 1815 года августа в 21-й день сие заемное письмо в Чембарском уездном суде писано подленником в книгу записано с него пошлины не положено а (от писавшего и от дателя³⁶). Девять рублей принял и совершил за надсмотрщика коллежский регистратор Семен Смирнов».

Сверху листа написано: «Пензенской губернии Чембарского уездного суда».

(После подписи свидетелей: Л.И. Григорьева, корнета Н.П. Делаева и коллежского секретаря Ф. Степанова следуют отметки и скрепы писца и надсмотрщика.)

Далее следует подпись рукой Арсеньевой: «К сей записке гвардии поручица Елизавета Алексеева дочь Арсеньева руку приложила, а подлинное письмо от записки приняла того же числа»³⁷ [ЛН. Т. 45—46, 630]; [*Заповедник*, 89].

Это первое письмо было закреплено законным порядком в Чембарском уездном суде, когда конфликт между Елизаветой Алексеевной и зятем достиг наивысшей точки. «О взаимном доверии между ними, — отметил Мануйлов, — не могло быть и речи, отношения были очень натянуты». И далее: «Заемное письмо подлежало безусловной оплате. Оно было почти равносильно выплате наличными деньгами...» Арсеньева брала на себя обязательство выплатить долг Юрию Петровичу в срок через год: 21 августа 1816 г. «А буде чего не заплату, — читаем в письме, — то волен он, Лермантов, просить о взыскании и поступлении по законам...» В книге же уездного суда под письмом от 21 августа 1815 г. обычная в таких случаях помета о погашении долга отсутствует. В чем же заключался долг Арсеньевой и откуда он взялся? В действительности никаких денег у зятя взаймы она не брала. Ее письмо всего лишь расписка в том, что заняла у него 25 тысяч и должна с ним расплатиться не позднее указанного срока.

Как убедительно считает П.А. Фролов, история долга Арсеньевой Юрию Петровичу восходит ко времени, когда Мария Михайловна, еще будучи 15-летней девицей, получила наследство после смерти своего отца Михаила Васильевича. В 1810 г. его братья и сестры полюбовно разделили имение своего отца в селе Васильевском Тульской губернии и в других деревнях и положенную долю выделили племяннице. Ей досталась (кроме других) деревня Масловка, что находилась поблизости с имением Лермонтовых

Кропотово. Дядя и тетки, наверное, постарались так устроить, чтобы Юрию Петровичу в будущем сподручнее было управлять имением жены. Дело в том, что к этому времени между родителями Марии Михайловны и матерью Юрия Петровича Анной Васильевной (отца уже не было в живых) прежние дружеские отношения перешли в близкие и доверительные. Не случайно в 1809 г. Анна Васильевна гостила в Тарханах вместе с сестрами Михаила Васильевича Дарьей и Варварой Васильевнами полтора месяца и 17 марта была на именинах будущей своей снохи, 14-летней Марии. В этот период могли состояться предварительные договоренности о будущем молодых людей.

При разделе со стороны «малолетней» Марии находилась в качестве опекуниши и наследницы после мужа Елизавета Алексеевна. Ей, как вдове, тоже была отведена доля: седьмая часть недвижимого (земля, имущество) и четвертая движимого (крестьяне). Одновременно Марии Михайловне была выделена и доля из имения еще здравствующей матери Михаила Васильевича. Пользуясь правом опекуниши, Елизавета Алексеевна свою долю и наследство дочери в преддверии ее замужества продала и деньги держала при себе. Так в скором будущем семья Лермонтовых оказалась без недвижимой собственности. По закону такое положение позволялось до того времени, как, достигнув 17 лет, дочь выйдет замуж. Тогда право опекунства (или попечительства) переходило к мужу, и он становился фактическим распорядителем ее имения. Юрий Петрович и Мария Михайловна повенчались. Марии Михайловне было 18 лет, но мать не отдала мужу дочери ее наследственные деньги, что и послужило причиной возникновения непримиримого конфликта между тещей и зятем. «Денежное» противостояние стало основной разрушительной силой молодой семьи. Зять требовал с тещи законно принадлежавшие деньги его семье — она не отдавала. Когда Михаилу Юрьевичу приблизилась первая годовщина, сражения Юрия Петровича с Елизаветой Алексеевной достигли, как уже сказано, наивысшего накала — Арсеньева отделалась выдачей ему крепостного заемного письма. По истечении срока она продолжала деньги дочери держать при себе. С этого времени вступило в силу право зятя востребовать их по заемному письму, что предполагало наложение запрещения на имущество тещи для выплаты долга.

Пытаясь объяснить причину долгового обязательства Елизаветы Алексеевны, Мануйлов исходил из того, что «такой суммы у бедного капитана в отставке, владельца маленького имения... не могло быть», и потому объявил Юрия Петровича не более и не менее как вымогателем этих денег у тещи. Он якобы «угрожал взять... (сына. — В. З.) к себе в Кропотово, на что имел право как законный отец, и Арсеньева вынуждена была *откупаться* от этих требований, выплачивая большие суммы». Ничего существенного Виктор Андроникович больше не предложил. Однако, по убедительному мнению П.А. Фролова, несостоятельность такого объяснения причин не утихавших семейных скандалов, принудивших Арсеньеву решиться на заемное письмо, не вызывает сомнения. Во-первых, вопрос о ребенке открыто и определенно возник не раньше как во время похорон Марии Михайловны (24—27 февраля 1817 г.), потому что Юрий Петрович покидал Тарханы. А во-вторых, заемное письмо появилось, когда младенцу не было еще и года, и забирать его пришлось бы, естественно, только вместе с матерью, что было совсем нецелесообразно. В 1815 г. семья Лермонтовых хорошо ли или плохо обитала в Тарханах, и, пока жива была Мария Михайловна, необходимости смены жительства не существовало. Таким образом, Мануйлов, повторимся, не представил убедительных причин появления заемного письма, голословно обвинив отца поэта шантажистом, способным «шокировать» бедную женщину. Так, без всяких оснований ученый возложил вину за семейные неурядицы на отца поэта. «В таких условиях, — утверждал Мануйлов, — семейная жизнь Марии Михайловны не могла сло-

житься счастливо» [ЛН. Т. 45—46, 641—660]; [Захаров, 2000, 292—321]; [Фролов, 2010, 48—52]; [Алексеев Д.А. Лермонтов. Потаенные материалы. М., 2015. С. 16—17].

8 октября 1815. Родился Николай Соломонович Мартынов. Крестили 15 октября [МБЛ-2, 69].

1816

13 февраля 1816. М.М. Сперанский, находясь в ссылке в Великополье, писал своему близкому другу Аркадию Алексеевичу Столыпину, брату бабушки Лермонтова:

«В письмах Ваших, говоря непрестанно обо мне, вы ничего еще не сказали мне о себе. Неужели не сделали никакого шагу для помещения в службу, и какое было последствие...» Это письмо Сперанского примечательно еще тем, что в нем упоминается отец будущего убийцы Лермонтова — Николая Мартынова: «Я не помню, любезный мой Аркадий Алексеевич, просил ли я вас о дрожжах, оставшихся в Нижнем у Соломона Михайловича. Весьма бы я желал, если бы мог он мне их нынешним зимним путем доставить. Но при сем я бы желал, чтобы он не счел сие каким-либо с моей стороны признанием: ибо поистине я столь многообязан был дружеским его расположением, что не хотел бы никак его оскорбить. Вы сладите сие — умненько и без лишнего моего настояния».

Как видно из содержания письма, С.М. Мартынов очень хорошо относился к сосланному в Нижний Новгород Сперанскому. Соломон Михайлович был пензенским помещиком — принадлежавшие ему села Липяги Инсарского уезда и Кучки Пензенского уезда располагались по соседству с селами Столыпиных. В Нижнем Новгороде Мартынов занимался винными откупами, здесь и родился в 1815 г. его сын Николай [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 5933. Л. 61—64]. Письма Сперанского бережно хранились в семье сына Аркадия Алексеевича — Дмитрия Алексеевича. Их небольшая часть была опубликована в РА за 1869 и 1871 гг., но большая их часть до сих пор не опубликована [Томсинов, 2006, 437—438].

14 марта 1816. От имени М.М. Лермантовой была составлена на принадлежавших ей в Тарханах 39 крепостных крестьян (16 человек мужеска пола и 23 женска пола) ревизская сказка, которую владелица подписала так: «К сей сказке корпуса капитана Марья Михайлова дочь (так в документе. — В. З.) Лермантова руку приложила, и верю оную подать на крестьян старосте моему Тимофею Федорову» [ГАПО. Ф. 60. Оп. 4. Д. 219].

9 апреля 1816. Пасха. Арсеньева вместе с Лермантовыми была в тарханской церкви у исповеди и святого причастия, о чем сохранилась запись в исповедальной ведомости тарханской церкви Николая Чудотворца:

Кто именно	Лета муж.	Лета жен.	Отметка о бытии
Гвардии поручица Елизавета Алексеева дочь Арсеньева		41	Были
Корпуса капитан Юрий Петров сын Лермантов	29		
Жена его Марья Михайлова дочь Лермантова		20	
Их сын Михаил	1		

[ГЛМЗ. ЛОМ-23. Л. 73]; [Кольян, 2009, 145]

26 августа 1816. В августе Ю.П. Лермонтов был в своем имении Кропотово. Этой датой помечена запись в альбоме его сестры, тетушки М.Ю. Лермонтова, Е.П. Лермантовой, в замужестве Свинойной, стихотворения, авторство которого долгие годы приписывали отцу М.Ю. Лермантова, а альбом его жене. На самом деле автор стихотворения С.Д. Нечаев, оно было опубликовано в «Вестнике Европы» в 1816 г. Это перевод с французского, но русская версия романа была замечена сразу же и получила широкое распространение в списках:

Я не скажу тебе *люблю*,
Всеобщей моде подражая;
Здесь часто говорят *люблю*,
Совсем о том не помышляя.
И слово ли одно *люблю*
В себе всю нежность заключает?
Нет! мало говорить *люблю*,
Коль сердце то ж не повторяет.
Кто чаще всех твердит *люблю*³⁸,
Тот редко и любить умеет;
Иной не вымолвит *люблю*, —
А чувством сильным³⁹ пламенеет.

Так я — не говорю *люблю*,
Храня молчанье осторожно;
Но верно так тебя *люблю*,
Как только лишь любить возможно.

[ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. Ед. хр. 21. Л. 5]; [ВЕ. 1816. № 9. С. 68]; [Мануйлов В.А. Семья и детские годы Лермонтова // Звезда. 1939. № 9. С. 113]; [Сандомирская, 137—138]

30 августа 1816. М.М. Сперанский получил назначение губернатором в Пензу.

Как писал Сперанскому А.А. Аракчеев:

«Письмо вашего превосходительства Государю Императору я имел счастье представить, и Его Величество изволил читать не только оное, но и ко мне вами писаное. Какая же высочайшая резолюция последовала, оное изволите увидеть из прилагаемой копии указа, данного правительствующему сенату. Государю Императору приятно будет, если вы, милостивый государь, отправитесь из деревни прямо в назначенную вам губернию.

Указ Правительствующему Сенату.

Пред начатием войны в 1812-ом году при самом отправлении моем к армии доведены были до сведения моего обстоятельства, важность коих принудила меня удалиться от службы: тайного советника Сперанского и действительного статского советника Магницкого; к чему во всякое другое не приступил бы я без точного исследования, которое в тогдашних обстоятельствах делалось невозможным. По возвращении моем приступил я к внимательному и строгому рассмотрению поступков их и не нашел убедительных причин к подозрениям.

Поэтому, желая преподать им способ усердною службою очистить себя в полной мере, Всемилостивейше повелеваю: тайному советнику Сперанскому быть пензенским гражданским губернатором, а действительному статскому советнику Магницкому воронежским вице-губернатором. На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою: Александр.

Верно: граф Аракчеев. Москва. Августа 30 дня 1816 год».

«<...> Итак, я освобожден. Шесть лет разнообразной тяжелой благовидной неволи кончились и, слава Богу, ни в душе моей, ни в сердце не оставили ни одной черты глубокого огорчения», — писал Сперанский в одном из писем к дочери [РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 732. Л. 4]; [Аракчеев А.А. Письма (25) к М.М. Сперанскому // РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 201. Л. 3—4]; [РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 201. Л. 3—4] [Гречишкин и др., 55—56].

Начало октября 1816. В Пензу из Тархан приехали Елизавета Алексеевна Арсеньева и семейство Лермантовых с сыном. Причина приезда, скорее всего, была одна — показать Марию Михайловну губернским врачам [Максяшев, 1997, 27—29].

20 октября 1816. В Пензу приехал новый губернатор Михаил Михайлович Сперанский, близкий друг Аркадия Алексеевича Столыпина, брата бабушки Лермонтова.

Аркадий Алексеевич был шафером во время бракосочетания Сперанского⁴⁰. Своей дочери Елизавете, оставшейся в Великополье, Сперанский писал: «Пенза. 22 октября 1816. Третьего дни, в три часа утра, наконец, достиг я Пензы. В 7 часов я был уже в мундире и на службе. Стечение зрителей необыкновенное. В крайней усталости Господь дает мне силы. Доселе все идет весьма счастливо. Кажется, меня здесь полюбят. Город, действительно, прекрасный. <...> Приносят с почты письма; множество вещей приятных от друзей из Петербурга — но от тебя ни строчки...» [РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 22. Л. 1]; [Томсинов, 2006, 272]; [ВБЛ, 7].

Отсюда следует, что Сперанский вступил в должность пензенского губернатора не 20 октября, как это считает Гр. Ламберт.

Начало ноября 1816. В доме Алексея Емельяновича Столыпина Сперанский знакомится с Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, которая навещала своего отца, страдавшего старческим недомоганием [Максяшев, 1997, 27].

7 ноября 1816. М.М. Сперанский в письме к Аркадию Алексеевичу Столыпину из Пензы пишет:

«Батюшка ваш принял портрет Николеньки⁴¹ со слезами. Он очень слаб телом, но довольно бодр еще духом, а особливо поутру. Вечер играет в карты, обедает всегда за общим столом, хотя и не выходит из тулупа. Ноги очень плохи. Прекрасная вещь видеть, как водят его ваши сестрицы (Наталья и Александра Алексеевны. — В. З.) из одной комнаты в другую: ибо один он пуститься уже не смеет. Одно слово о Кавказе веселит его как ребенка, и я уверен, что он может там еще помолодеть и запастись здоровьем на долгое время. Он отправляется туда в марте, но собирается уже и ныне. Елизавета Алексеевна также здесь. Не знаю, увижу ли Лермантовых. — Трудности в помещении. Все дома набиты приезжими, и зиму обещают ныне весьма многолюдную. Александра Алексеевна в одном положении. Ей необходимо нужно переменить место пребывания. Но куда. С Григорием Даниловичем мы в больших ладах, и, кажется, дело обойдется без большой мудрости...»⁴² [Томсинов, 2006, 280—281]; [Вырыпаев, 34]. Эти и некоторые другие письма М.М. Сперанского к А.А. Столыпину были обнаружены С.И. Недумовым, который посчитал, что зиму 1816/17 г. Лермонтов вместе с родителями и бабушкой провел в Пензе [Недумов, 1954, 235].

Середина ноября 1816. Е.А. Арсеньева вернулась из Пензы в Тарханы. Ю.П. Лермантов выехал, вероятно, в свое имение Кропотово (см. дату: «Январь 1817»).

14 ноября 1816. Рождение Алексея Аркадьевича Столыпина (Монго) [Томсинов, 2006, 281].

23 ноября 1816. М.М. Сперанский в письме из Пензы к Аркадию Алексеевичу Столыпину, поздравляя его с рождением сына, пишет:

«Батюшка и все ваши родные, в том числе и я, который в любви к вам никому из них не уступлю, поздравляем вас и Веру Николаевну с новорожденным. Да приосенит его Господь всеми своими милостями...» [Вырыпаев, 35].

Зима 1816 (не позднее февраля 1817). Позже Лермонтов, вспоминая свою мать, оставил автобиографическую запись, относящуюся к этому времени:

«Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал; ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать» [Л-VII, VI, 386, 680].

Декабрь 1816 — начало января 1817. Елизавета Алексеевна вернулась из Пензы в свое имение в Тарханы [Макшеев, 1997, 27].

1816. Составлен «Реестр Чембарского предводителя дворянства поданным от Г<оспод> дворян на основании высочайшего манифеста состоявшего 1812 года февраля 11 и указа октября 8 дня 1814 года о временном сборе с помещичьих доходов объявлением с объяснением доходов 1816 года». Вот этот документ. Для краткости в нем сняты титулы помещиков, а имена и отчества заменены инициалами⁴³.

Владельцы имений	Доход в рублях	С них проценты
Я.Д. Мерлин	7000	280 р.
К.Н. Жилинский [вместе с женою А.Н. Жилинской]	1500	20 р. 50 к.
М.И. Мосолов	2000	30 р.
Ф.Г. Мосолов	2000	30 р.
И.А. Тархов [вместе с женою Н.С. Тарховой]	3000	60 р.
Ф.Ф. Турнер	5000	150 р.
А.П. Лачинов	4000	100 р.
Е.А. Арсеньева	500	5 р.
П. Исаев	1400	21 р.
А.М. Владыкин	9000	450 р.
А.И. Толузаков	1000	10 р.
Я.А. Подлатчиков	2000	30 р.
И. Енгальчев	500	5 р.
Д. Меленин	500	5 р.

[Фролов, 2008, 35–36]; [ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 474. Л. 44–45 об.]

Конец 1816. На эту дату у Арсеньевой насчитывалось 488 душ крепостных «мужеска пола» [ГАПО. Ф. 60. Оп. 4. Д. 214].

На основании архивных изысканий Фролов в своей капитальной работе сделал следующие выводы о возможных подлинных доходах бабушки М. Лермонтова, которые мы изложим в сокращении. Известно, что 30 октября 1841 г. Арсеньева оставила по завещанию, кроме движимого и недвижимого имущества, своим родственникам 300 тысяч рублей, сумму по тому времени огромную. Учитывая, что после смерти Лермонтова прошло всего три с половиной месяца, выходит, эта весьма значительная сумма находилась у Арсеньевой и при его жизни. Таким образом, ее богатство превосходило состояние многих дворян Пензенской губернии. Из воспоминаний современников известно, что в ее усадьбе постоянно устраивались карточные баталии, куда приезжали не только окрестные дворяне, но даже офицеры из квартировавших по соседству полков.

Еще один источник доходов — отпуск крестьян «на волю», за что бралось за девицу от 200 до 500 рублей, а с мужчин-купцов Арсеньева получала за вольную по несколько тысяч рублей. Ее оплата в казну как бедной помещицы составляла в год всего 5 рублей, соседи платили намного выше. Так, даже со своих 488 душ она должна была отчислить в казну не 5, а 285 рублей. Детальное изучение источников доходов Арсеньевой показывает многосторонность и разнообразие ее хозяйственной деятельности, а также позволяет раскрыть некоторые особенности ее личности и отношений с Лермонтовым [Фролов П.А. К вопросу об источниках доходов Е.А. Арсеньевой // ТВ-15. С. 152—173]; [Заповедник, 138].

1817

Январь 1817. Мария Михайловна Лермантова, мать М.Ю. Лермонтова, тяжело больна и, скорее всего, находится в Тарханах.

23 января 1817. М.М. Сперанский в письме к Аркадию Алексеевичу Столыпину 23 января из Пензы писал:

«У нас нового почти ничего нет; все идет довольно гладко. Есть одна новость, для вас печальная. Племянница ваша Лермантова <Мария Михайловна> весьма опасно больна сухоткой или чахоткой⁴⁴. Афанасий⁴⁵ и Наталья Алексеевна⁴⁶ отправились к ней, т. е. к сестрице вашей <Елизавете Алексеевне> в деревню <Тарханы>, чтобы ее перевести⁴⁷ сюда. Мало надежды, а муж в отсутствии...» [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 5933. Л. 93 об.]; [Вырыпаев, 39]; [Наханетов, 2008, 16].

Конец января 1817. Юрий Петрович Лермантов не находится в Тарханах с больной женой. Этот факт известен из письма Столыпина и подтверждался Висковатым [Висковатый, 15].

15—24 февраля 1817. Юрий Петрович Лермантов вернулся в Тарханы.

20 февраля 1817. М.М. Сперанский сообщает Аркадию Алексеевичу Столыпину:

«Как прискорбно мне, любезнейший мой Аркадий Алексеевич, из печального письма вашего видеть, что болезнь ваша держит еще вас в постеле. <...> Дочь Елизаветы Алексеевны без надежды, но еще дышит» [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 5933. Л. 103 об.]; [Вырыпаев, 39]. Сообщения из Тархан доходили до Пензы на второй день. Как считал Томсинов, перевезти больную Марию Михайловну в Пензу не удалось. Ее здоровье стремительно ухудшалось [Томсинов, 2006, 282, 438].

24 февраля 1817. В Тарханах умерла Мария Михайловна Лермантова, урожденная Арсеньева, мать поэта.

Мы не знаем ни дату, ни место, где состоялось ее отпевание. Точное место смерти Марии Михайловны тоже до сих пор неизвестно. Многие исследователи полагали, что Мария Михайловна находилась в Пензе, однако документально это не подтверждается. И Вырыпаев, и Томсинов, и ряд других исследователей вполне обоснованно считают, что это печальное событие произошло в Тарханах. В метрических книгах центральных пензенских церквей об ее отпевании нет никаких сведений, и в сохранившихся за этот год метрических книгах Тарханской церкви об этом тоже нет записей. Сперанский о кончине племянницы сообщил А.А. Столыпину только через три дня. Это лишний раз подтверждает, что ее кончина произошла не в Пензе (см. дату: «27 февраля 1817») [Висковатый, 16]; [Щеголев, I, 19]; [Томсинов, 2006, 282, 438].

27 февраля 1817. Погребение Марии Михайловны Лермантовой в Тарханах, в семейном склепе, рядом с отцом. Надпись на надгробной плите в Тарханах:

«Под камнем сим лежит тело Марьи Михайловны Лермантовой, урожденной Арсеньевой. — скончавшейся 1817го года февраля 24го в субботу. — Житие ее было 21 год и 11 месяцев и 7 дней»⁴⁷ [Вырыпаев, 43–44].

27 февраля 1817. М.М. Сперанский в письме к Аркадию Алексеевичу Столыпину сообщает:

«Надеюсь, что настоящее мое письмо получите вы в выздоровлении; и в сей надежде не колеблюсь сообщить вам вести о племяннице вашей Лермантовой. Нить, на которой одной она столько времени висела, наконец, пресеклась. Наталья Алексеевна отправилась в деревню и, вероятно, привезут сюда Елизавету Алексеевну⁴⁸. Батюшка ваш все сие переносит с бодростью и удивительною кротостью. Нам у него должно учиться истинной философии» [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 5933. Л. 108 об.]; [Вырыпаев, 42]; [Максяшев, 1997, 27–28].

28 февраля 1817. Составлен документ⁴⁹:

«Лето 1817 года февраля в 28-й день вдова гвардии поручица Елизавета Алексеева дочь (так в документе. — В. З.) Арсеньева заняла у корпуса капитана Юрия Петрова сына Лермантова денег государственными асигнациями двадцать пять тысяч рублей за указанные проценты сроком впредь на год, то есть будущего тысяча восемьсот осмнадцатого года февраля по двадцать осмое число, на которое должна всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то волен он, Лермантов, просить о взыскании и поступлении по законам. К сему заемному крепостному письму вдова гвардии поручица Елизавета Алексеева дочь Арсеньева, что подлинно <у> корпуса капитана Юрия Петрова сына Лермантова денег двадцать пять тысяч заняла, в том и руку приложила. У сего крепостного заемного письма артиллерии штабс-капитан и кавалер Афанасий Алексеев сын Столыпин свидетелем был и руку приложил. У сего крепостного заемного письма подполковник и кавалер Григорий Васильев сын Арсеньев свидетелем был и руку приложил. Сие заемное письмо писал крепостных дел писарь коллежский регистратор Александр Брызгалов. Запрещения нет, буде подлинно нигде запрещения — совершить по указам. Секретарь Игнатий Семенов 1817 года марта в первый день сие заемное письмо в чембарском уездном суде подлинником в книгу записал. В добавление за негербовый лист денег двадцать пять рублей принял и совершил крепостных дел надсмотрщик губернский секретарь Ларион Егоров».

После этой записи — подпись рукой Арсеньевой: «К сей записке вдова гвардии поручица Елизавета Алексеева дочь Арсеньева руку приложила и подлинное заемное письмо к себе получила того ж числа» [ЛН. Т. 45—46, 632].

1 марта 1817. Собственноручная подпись Е.А. Арсеньевой под записью заемного письма, записанного в книге Чембарского уездного суда на 5 тысяч рублей «у госпожи из дворян девицы Софии Кондратьевны дочери Наумовой» сроком на один год [*Заповедник*, 89—95]; [ЛН. Т. 45—46, 632].

5 марта 1817. Юрий Петрович Лермантов уехал из Тархан в свое поместье Кропотово Ефремовского уезда Тульской губернии, оставив сына на попечение бабушки — Е.А. Арсеньевой [*Висковатый*, 16]; [ЛН. Т. 45—46, 632].

Как писал Висковатый: «Что произошло между мужем и матерью покойной, неизвестно, но только Юрий Петрович по смерти жены оставался в Тарханах всего 9 дней и затем уехал к себе в Кропотовку.

Убитая горем Елизавета Алексеевна приказала снести большой барский дом в Тарханах, свидетеля смерти ее мужа и любимой дочери, и воздвигнула на месте его церковь во имя Марии Египетской. Рядом с церковью она построила небольшое деревянное здание с мезонином, где и поселилась с внуком своим» (см. дату: «26 ноября 1820») [*Висковатый*, 16].

13 марта 1817. М.М. Сперанский в письме к Аркадию Алексеевичу Столыпину сообщает о предполагаемом отъезде Алексея Емельяновича Столыпина в Нееловку, в имение Афанасия Алексеевича:

«Он <Алексей Емельянович> заедет утешить Елизавету Алексеевну. В мае пустит к водам. Вчера сюда приехал и севодни отъезжает к Елизавете Алексеевне Александр Алексеевич. Александра Алексеевна также отправляется к водам... Елизавета Алексеевна пушается в Киев...» [*Вырыпаев*, 44—46].

13—14 марта 1817. Брат Елизаветы Алексеевны Арсеньевой Александр Алексеевич Столыпин приехал в Тарханы, для встречи с сестрой [*Вырыпаев*, 46].

15 марта 1817. Из Чембарского земского суда в Нижнеломовское духовное правление сообщалось:

«Села Яковлевского прапорщица Елизавета Арсентьева к доказательству по делу о пьянствах того села священника Федора Макарова за болезнью явиться не может». Дело было начато по жалобе Е.А. Арсеньевой в конце 1816 или начале 1817 г. [*Кольян*, 2014, 12].

25 марта 1817. Светлое Христово Воскресение. Мнение о том, что Арсеньева с внуком встречали Пасху в Киеве, неверно. Их не было в Тарханах, и в книгах тарханской церкви среди бывших на исповеди и у святого причастия в этом году они не записаны.

По мнению Т.Н. Кольян, они могли исповедаться и причаститься в уездном городе Чембаре, где в соборе Николая Чудотворца служил духовный отец Арсеньевой священник Андрей Егоров.

1 апреля 1817. Е.А. Арсеньева прибегает к займам для уплаты денег по заемному письму Ю.П. Лермантова. Из книг Чембарского уездного суда можно

установить, что 1 апреля она заняла тысячу рублей «у девицы Авдотьи Гавриловой дочери Карауловой сроком на 11 месяцев, и тогда же — две тысячи рублей у генерала майора и кавалера Якова Афанасьевича Вадковского сроком на 11 месяцев» [ЛН. Т. 45—46, 632].

5 апреля 1817. Сорок дней со дня смерти Марии Михайловны Лермантовой. В этот день, как положено, была отслужена литургия, после которой совершили панихиду на ее могиле. По-видимому, после 5 апреля Е.А. Арсеньева с внуком отправились в Киев на богомолье [Кольян, 2014, 12], но уже в середине мая они вернулись в Пензу [ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 802, 819].

21 мая 1817. Священник Воскресенского храма г. Нижнего Ломова Василий Семенов докладывал в Нижнеломовское духовное правление, что «села Яковлевского помещицы Арсентьевой ныне в доме не находится» [Кольян, 2014, 12].

Май (последние числа) 1817. Е.А. Арсеньева подала в Чембарский уездный суд объявление об утверждении наследства, полученного после смерти мужа Михаила Васильевича Арсеньева, за внуком Михаилом Юрьевичем Лермантовым:

«Указом Чембарского уездного суда, присланным в оный суд от 19-го сентября 1811 года под № 1157, предписано выделить мне после покойного мужа моего гвардии поручика Михаила Васильева сына Арсеньева указной части, пока я по смерти того мужа моего не пожелав следующей себе части отдала дочери своей корпуса капитанше Марье Михайловой дочери по мужу Лермантовой, за которой от покойного мужа моего имение шестнадцать душ мужеска пола по нынешней седьмой ревизии по оному сему податями причислены, а по смерти означенной дочери моей Марии Лермантовой то имение утверждаю сыну ее, а моему внуку из дворян малолетнему Михаиле Юрьеву, сыну Лермантову, а затем, и выдела из оного указной части себе не делав, прошу по оному предписанию исполнение не чинить» [ГАПО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 172. Л. 8]; публикация: [ЛН. Т. 45—46, 634].

5 июня 1817. В письме к А.А. Столыпину М.М. Сперанский пишет:

«Бог даровал сестрице вашей Наталье Алексеевне дочь Феоктисту. Ожидаем сего дни Афанасья <Алексеевича Столыпина>, а за ним в след и Елисавету Алексеевну. Ее ожидает крест нового рода: Лермантов требует к себе сына. Едва согласился оставить еще на два года. Станный и, говорят, худой человек; таков, по крайней мере, должен быть всяк, кто Елисавете Алексеевне, воплощенной кротости и терпению, решится делать оскорбления...»⁵⁰ [Вырыпаев, 56, 61]; [Томсинов, 2006, 282—283].

После 5, но до 9 июня 1817. Е.А. Арсеньева с внуком переезжают из Тархан в Пензу, где, вероятно, прожили до конца 1817 г. Они останавливаются в доме сестры Арсеньевой, Натальи Алексеевны.

10 июня 1817. В книге Пензенской палаты гражданского суда за 1817 г., под № 293, написано духовное завещание⁵¹ Е.А. Арсеньевой:

«Ныне сим вновь завещаю и предоставляю по смерти моей... родному внуку моему Михаиле Юрьевичу Лермантову принадлежащее мне вышеописанное движимое и недвижимое имение, состоящее Пензенской губернии, Чембарской округи в селе Николь-

ском, Яковлевское тож, по нынешней 7-й ревизии мужеска пола четыреста девяносто шесть душ с их женами, детьми обоего пола и с вновь рожденными, с пашенною и непашенною землею, с лесы, с санными покосы и со всеми угодий, словом все то, что мне принадлежит и впредь принадлежать будет, с тем, однако, ежели оной внук мой будет по жизнь мою до времени совершеннолетнего⁵², его возраста находиться при мне на моем воспитании и попечении без всякого на то препятствия отца его, а моего зятя, равно и ближайших г. Лермантова родственников и коим от меня его, внука моего, впредь не требовать до совершеннолетия его, со стороны же своей я обеспечиваю отца и родственников в определении его, внука моего, на службу его императорского величества и содержании его в оной соответственно моему состоянию, ожидая, что попечения мои сохранят не только должное почтение, но и полное уважение к родителю его и к чести его фамилии; в случае же смерти моей я обнадеживаюсь дружбой моей в продолжение жизни моей опытом мне доказанной родным братом моим артиллерии штабс-капитаном и кавалером Афанасием Алексеевичем Столыпиным, коего и прошу до совершеннолетия означенного внука моего принять в свою опеку имение, мною сим завещаемое, а в случае его, брата моего, смерти, прошу принять оную опеку другим братьям моим родным Столыпиным или родному зятю моему кригс-цалмейстеру Григорию Даниловичу Столыпину, в дружбе коих я не менее уверена; если же отец внука моего истребовал, чем, не скрываю чувств моих, нанесут мне величайшее оскорбление: то я, Арсеньева, все ныне завещаемое мной движимое и недвижимое имение предоставляю по смерти моей уже не ему, внуку моему Михаиле Юрьевичу Лермантову, но в род мой Столыпиных, и тем самым отдаляю означенного внука моего от всякого участия в остающемся после смерти моей имении»⁵³ [ГАПО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 731. Л. 11—13 об.]; [ЛН. Т. 45—46, 634—636]; [*Заповедник*, 96—98].

12 июня 1817. М.М. Сперанский в письме к А.А. Столыпину сообщает:

«Елисавета Алексеевна здесь и со внуком, любезным дитем. Она совершенная, кроткая, мученица-старушка. — Мы решили ее здесь совсем основать» [*Выротаев*, 61]. Ср. неполную публикацию: [РА. 1870. № 6. Стб. 1136]. Исправления письма: [*Макшеев*, 1997, 29].

13 июня 1817. Духовное завещание Е.А. Арсеньевой засвидетельствовано Пензенской гражданской палатой. Среди свидетелей был М.М. Сперанский [ЛН. Т. 45—46, 635].

Июль 1817. На Северном Кавказе по пути в Новостольпиновку умер прадед Лермантова Алексей Емельянович Столыпин — отец Елизаветы Алексеевны. М.М. Сперанский 7 августа 1817 г. писал Аркадию Алексеевичу Столыпину:

«Он умер как младенец, быв до самой последней минуты весел, и покоен. Небольшая спазма заставила его остановиться и спросить чаю. Между тем как готовили, он вздохнул, и сей вздох был последний. Александра Алексеевна держала его руку. Все кончилось не доезжая только 30 или 40 верст <до> новопоселенной им деревни. Куда тело его и будет перевезено, а между тем погребен он в ближайшей деревне» [РГАЛИ. Ф. князей Вяземских. № 195. Оп. 1. Д. 5933. Л. 192].

Начало августа 1817. Елизавета Алексеевна Арсеньева, находясь в Пензе с внуком, переселилась от сестры Натальи в дом, принадлежавший Г.Л. Дубенскому, на улицу Красную, где прожила 7—8 месяцев.

В письме к А.А. Столыпину М.М. Сперанский пишет: «Елисавета Алексеевна также здесь поселилась и на первый раз живет в доме Дубенского»⁵⁴.

В это время Елизавета Алексеевна близко сходитя с Афанасием Гавриловичем Раевским, с тещей которого она вместе воспитывалась в детстве. Свою привязанность к ней она перенесла на ее детей и внуков. Как писал в 1837 г. в «Объяснении о происхождении стихов на смерть Пушкина» Святослав Афанасьевич Раевский: «Эта связь сохранилась между нашими домами, Арсеньева крестила меня в Пензе... и постоянно оказывала мне родственное расположение...»⁵⁵ [Вырыпаев, 62, 64].

28 сентября 1817. Нижнеломовское духовное правление получило «показание» от управляющего Тарханами Соколова, что «помещица его Елисавета Арсентьева находится в городе Пензе и пребывание будет иметь тамо столько, сколько ей разсудится» [Кольян, 2014, 12].

21 ноября 1817. Члены Нижнеломовского духовного правления выслушали «подписку» Абрама Соколова о том, что «когда госпожа его из Пензы явится, то он сему правлению даст знать» [Кольян, 2014, 12].

1818

24 февраля 1818. Годовщина со дня смерти М.М. Лермантовой. Вероятно, к этой дате Е.А. Арсеньева с внуком приехали в Тарханы, где провели часть Великого поста, который начинался 25 февраля [Кольян, 2014, 12].

Зима — начало весны 1818. Лермонтов с Е.А. Арсеньевой живут в Пензе [Вырыпаев, 61].

Февраль—март 1818. Елизавета Алексеевна вместе с Лермонтовым возвращается в Тарханы [Вырыпаев, 62].

Март 1818. Е.А. Арсеньева и М.Ю. Лермонтов исповедовались и причащались в тарханской церкви Николая Чудотворца [Кольян, 2014, 12].

26 и 29 марта 1818. Чембарский земский суд доносил в Нижнеломовское духовное правление, что «госпожа Арсеньева находится в Пензе». С ней в Пензе и ее внук Михаил Лермонтов [Кольян, 2014, 12].

Апрель 1818. Лермонтов был в тарханской церкви у исповеди и святого причастия, о чем сохранилась запись в исповедальной ведомости тарханской церкви Николая Чудотворца:

Кто именно	Лета муж.	Лета жен.	Отметка о бытии
Госпожа вдова поручица Елизавета Алексеева У ней внук Михаил Юрьев	3	58	Были

[ГЛМЗ. ЛОМ-23. Л. 113]; [Кольян, 2009, 145]

Документальные сведения о дате рождения Е.А. Арсеньевой отсутствуют. Однако, судя по опубликованному нами «Делу о внесении рода Столыпиных в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии», она родилась в 1773 г. [см.: *Заповедник*, 11—25]. Эта же дата была указана и в генеалогическом справочнике [Руммель В., Голубцов В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Ч. II. СПб., 1887. С. 413—418]. В церковных книгах возраст ее, внука, Юрия Петровича, и других родственников указан не всегда точно. От чего это зависело: от небрежности составлявшего ведомость церковнослужителя или от неправильных показаний самих прихожан — неизвестно. Однако документы свидетельствуют, что после смерти дочери Елизавета Алексеевна стала увеличивать свой возраст. Делалось это, вероятнее всего, для поддержания мнения о том, что она старая и больная дама, на что Арсеньева неоднократно ссылалась в своих официальных обращениях, когда просила за внука. Игра с возрастом — характерная уловка не только ее одной, но и ее сестры Е.А. Хастатовой [подробнее см.: *Кольян*, 2009, 148—156]; [Потапова Н.К. Новое об Е.А. Арсеньевой в церковных документах XIX века // ТВ-11. 2000. С. 142—143].

8 мая 1818. М.М. Сперанский сообщал А.А. Столыпину из Пензы: «Завтра провожаем обеих ваших сестриц в деревню, а оттоль они скоро отправятся в Киев» [*Кольян*, 2014, 12].

9 мая 1818. Е.А. Арсеньева с внуком и родной сестрой А.А. Евреиновой (1777—1842), женой А.П. Евреинова, местной помещицей, вероятно с ее детьми Марией и Павлом, приехали в Тарханы, где проживали до второй половины лета [*Кольян*, 2014, 12].

Конец июля — начало августа 1818. Е.А. Арсеньева с Лермонтовым и А.А. Евреинова, вероятно со своими детьми, отправились в Киев для поклонения святым мощам.

Интересно, что в «Журнале Пензенской духовной консистории за 1818 г.» имеются записи от 12 июня «Городищенской округи села Сталыпина диаконицы Аксиньи Самсоновой о даче ей пашпорта до города Киева для поклонения святым мощам». А 12 июля имеется запись «Городищенской округи села Базарная Кеньша священника Александра Иванова о выдаче ему пашпорта до города Киева на два месяца, на котором резолюция Его Преосвященства последовала такова: дать пашпорт по надлежащему» [ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 818. Л. 511 об., 613 об.]. Скорее всего, когда Арсеньева с внуком, Евреинова с сыном и дочерью ездили в Киев на богомолье, с ними ездил священник отец Александр Иванов и дьяконица [*Кольян*, 2014, 13—14].

20 сентября 1818. В Нижнеломовском духовном правлении рассматривалось посланное через Чембарский земский суд «показание» тарханского управляющего А.Ф. Соколова о том, что Е.А. Арсеньева (значит, и Лермонтов) находится «в губернском городе Киеве» [*Кольян*, 2014, 13].

До 8 октября 1818. Е.А. Арсеньева с внуком и Евреиновы вернулись из Киева [*Кольян*, 2014, 12].

31 октября 1818. В Пензенской духовной консистории слушали прошение «Чембарской округи села Яковлевского помещицы Арсеньевой о дозволении выстроить в том селе вместо деревянной каменную церковь во имя Архистратига Миха-

ила, и при ней еще теплую во имя Марии Египетской, на котором резолюция Его Преосвященства последовала такова: по приложенным при сем планам и фасадам позволяется каменные церкви строить. Приказали: в силу резолюции Его Преосвященства предписать по ведомству благочинному указом с тем, чтоб он сей просительнице на основании утвержденных Его Преосвященством планов позволил выстроить вместо деревянной две каменные церкви, на кои и заготовить две храмозданных грамоты, копии же со оных планов оставить при деле. Для чего и дать в повытье с сего журнала копию» [ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 818. Л. 995–996 об.]; [Кольян, 2014, 11].

1818. В.А. Мануйлов считал, что в 1818 г. Лермонтов с бабушкой впервые посетил Кавказские Минеральные Воды.

Эта точка зрения была основана на записях в альбоме Марии Акимовны Шан-Гирей, двоюродной сестры матери Лермонтова. До 1979 г. считалось, что этот альбом принадлежал Марии Михайловне Лермантовой, но В.Б. Сандомирская убедительно доказала, что владелицей альбома была Мария Акимовна Шан-Гирей [Сандомирская, 1979].

1818–1819. Ансельм Леви (Levis) — немецкий еврей, поступил на службу к Е.А. Арсеньевой, став домашним доктором ее внука, который был очень слабым и болезненным ребенком.

Еще в 1804 г. Леви защитил в Геттингенском университете, известном своими традиционными научными связями с Россией, докторскую диссертацию. Он был специалистом по кожным заболеваниям у детей. В Россию Леви приехал, вероятно, в 1804 г., но точно известно, что в 1806 г. он уже практиковал в России. Лермонтов, по мнению Б.А. Нахапетова, вероятно, болел золотухой⁵⁶, поэтому бабушка и пригласила для внука специалиста⁵⁷. По обнаруженным Нахапетовым документам, в 1819 г. Леви получил подтверждение своих докторских прав, до этого он числился в списках врачей под рубрикой «практикующий» [Нахапетов, 2002, 14]; [Нахапетов, 2008, 121–125]; [Беличенко, 22 и др.].

1819

17 января 1819. Пензенская палата уголовного суда, ревизуя дело, поступившее из Чембарского уездного суда, о крестьянине г-жи Арсеньевой Фадее Дмитриеве, судящемся в побеге и имении при себе фальшивого билета, приказала: «Крестьянина Г-жи Арсеньевов <...> наказать плетьюми, коему дав пятьдесят ударов и оставить в жительстве...» [Заповедник, 99].

Конец марта — начало апреля 1819. Лермонтов был в тарханской церкви у исповеди и святого причастия, о чем сохранилась запись в исповедальной ведомости тарханской церкви Николая Чудотворца:

Кто именно	Лета муж.	Лета жен.	Отметка о бытии
Г-жа поручица вдова Елизавета Алексеева У ней внук Михаил Юрьев	4	59	Были

[ГЛМЗ. ЛОМ-23. Л. 123]; [Кольян, 2009, 145]